

В первый раз непривычно, во второй — уже как дома.

Пытаясь утешить себя этой нехитрой истиной, Ше Цзе понемногу успокоился. Похоже, объятия Фан Чаоцы стали его негласным роком: падаешь в них раз за разом, пока это не войдет в привычку.

Еще во время их прошлой встречи Ше Цзе поймал себя на мысли, что фигура Фан Чаоцы — предел его мечтаний. Издалека тот казался утонченным, почти хрупким книжником, но стоило оказаться ближе, как под одеждой угадывались крепкие, налитые силой мышцы, обещающие надежную защиту.

А этот едва уловимый, дразнящий аромат, исходящий от него... Если бы весенняя оттепель имела запах, она пахла бы именно так: прохладно, таинственно и столь притягательно, что невозможно устоять. И где-то в самой глубине чувствовалась тонкая, едва заметная нотка свежего чая.

Будучи подданным Великой Ци, Ше Цзе не мог не любить чай. В искусстве его заваривания он разбирался поверхностно, но, как человек деятельный и падкий на зрелища, обожал наблюдать за чайными состязаниями — одной из излюбленных забав в Поднебесной. Юноша не раз мысленно благодарил матушку за то, что родился именно в эту эпоху, соткавшую воедино вульгарное золото торговцев и изысканное благородство мудрецов.

На этот раз притвориться лишившимся чувств не получилось.

К счастью, Фан Чаоцы деликатно избавил его от неловкости:

— Наследник Ше еще не вполне оправился от недуга, вам следует беречь себя и больше отдыхать.

Его неторопливый, вкрадчивый голос прямо-таки завораживал.

Ше Цзе готов был взвыть от бешеной зависти.

Роскошное тело, бархатный голос, абсолютное совершенство — и почему все это досталось не ему? Особенно обидно стало, когда юноша осознал: он не просто упал, а буквально влип в чужие объятия, и теперь, чтобы встретиться с Фан Чаоцы взглядом, ему приходится заирать голову.

Ну почему одни рождаются статными великанами, а другие никак не могут вытянуться?

Фан Чаоцы посмотрел сверху вниз на льнущего к нему Ше Цзе. Горло сдавило сладким спазмом, слова застряли на губах. Юноша с ясными миндалевидными глазами, алыми губами и жемчужными зубами казался беззащитным и трогательным, но в разлете его благородных

бровей сквозила такая дерзкая, кипучая отвага, что мир вокруг словно заиграл новыми красками.

Вдруг Фан Чаоцы ощутил непреодолимый порыв. Безумное желание сделать то, чему позже, оглядываясь назад, он и сам не сможет найти разумного объяснения.

Подхвав пятнадцатилетнего наследника под мышки, он единым легким движением оторвал его от земли. На фоне багровых ворот усадьбы, в брызгах золотистого солнца, пробивающегося сквозь изумрудную листву, Фан Чаоцы бережно поднял Ше Цзе над собой, словно держал на руках самую Вселенную.

А сам Ше Цзе...

В этот миг он до умопомрачения напоминал кота, которого грубо, но надежно ухватили за шкуру. Он замер, затаив дыхание, и во все глаза уставился на Фан Чаоцы сверху вниз. Пытаясь выглядеть грозно и независимо, юноша лишь выдавал свой испуг — зрачки его сузились, взгляд испуганно метался, а пальцы мертвой хваткой вцепились в сильные предплечья Фан Чаоцы. Так утопающий цепляется за спасительную соломинку, вверяя чужим рукам собственную жизнь.

Небесный камень тут же выдал сухую справку:

[Зафиксировано действие: «Поднять на ручках».]

Выбежавшие вслед за хозяином Старый управляющий усадьбы и слуги застыли на месте.

«Какая дерзость! — мысленно возопили они. — Мерзавец! Наглое покушение на честь нашего Наследника Ше!»

Пока личная стража принцессы не успела выхватить клинки из ножен, Фан Чаоцы бережно опустил Ше Цзе на землю. В глубине его глаз мелькнуло сожаление, сменившееся выражением полнейшего недоумения. Он держался с таким невозмутимым видом, что все присутствующие, включая самого Ше Цзе, невольно усомнились в собственной адекватности. Быть может, это они все сошли с ума, а благородный юноша просто проявил заботу?

Фан Чаоцы, точно заигрывая со смертью, склонил голову и заговорщически прошептал:

— Ну как? Понравилось? Весело?

Ше Цзе вздернул подбородок и с вызовом бросил:

— Раз тебе так любопытно, попроси кого-нибудь проделать это с тобой. Обещаю, мир откроется

тебе со ста восьмидесяти новых ракурсов!

Фан Чаоцы мягко улыбнулся и возразил с самым веским доводом:

— Увы, я слишком высок. Боюсь, во всей столице не сыщется силача, способного меня поднять.

И пусть он говорил это с самым серьезным выражением лица, наследник Ше расслышал в его словах неприкрытое хвастовство. Что, если ниже ростом, так и за человека не считают?

«Ничего, погоди у меня! — бушевал про себя юноша. — Я еще расту! Вот окрепну, вытянусь выше тебя и посмотрю, как ты тогда запоешь!»

Терзать Фан Чаоцы было уже нечего. Совершив одно кощунство, он тут же пошел на второе: протянул руку и ласково взъерошил мягкие волосы наследника Ше, а затем легонько ущипнул его за щеку. Кожа юноши оказалась нежнее свежего очищенного яйца — прохладная, упругая, точно дорогой шелк. Отпускать ее совершенно не хотелось.

Ше Цзе оцепенел. С самого детства никто, кроме родной матушки, не смел обходиться с ним столь бесцеремонно. Мысли в голове окончательно спутались, тело отказывалось подчиняться, а заготовленные колкости испарились без следа.

«Может, мне привиделось? — растерянно подумал он. — Как человек с лицом благородного мудреца может вести себя словно последний уличный повеса?!»

— Да как вы!.. — наконец обрел дар речи Старый управляющий усадьбы, задыхаясь от возмущения.

Четверо близнецов-телохранителей, грозные и свирепые как тигры, разом шагнули вперед. Им было плевать на чины Фан Чаоцы и его высоких покровителей. Посметь распустить руки в отношении молодого господина резиденции Ше — за такое виновник должен ответить сполна!

Но именно в этот миг оцепенение спало. До Ше Цзе наконец дошло: нет, это не морок. Его действительно потрепали по голове и ущипнули за щеку, будто неразумное дитя, притом человек, которого он видит всего второй раз в жизни!

«Разрази тебя гром, Фан Чаоцы, ты что, умом тронулся?!»

Фан Чаоцы не сошел с ума. Он просто потерял контроль над собой — редкая слабость, которую он позволял себе только рядом с Ше Цзе. Ведь этот юноша был для него...

Разяренный до предела, Яней Ше впервые в жизни решил пустить в ход ноги. Словно рассерженный зверек, он подпрыгнул и со всей силы лягнул Фан Чаоцы под колено. И, не

дожидаясь ответа, припустил со всех ног обратно в усадьбу. На бегу он яростно выкрикивал угрозы:

— Фан Чаоцы, погоди у меня! Это тебе с рук не сойдет! Я... я все матушке расскажу!

— Ха-ха-ха-ха! — Фан Чаоцы больше не мог сдерживаться.

Он рассмеялся так искренне и заливисто, что в уголках его глаз выступили слезы. Ну как можно быть столь очаровательным?

Окружающие, ставшие безмолвными свидетелями этой бурной сцены, стояли разинув рты. Что это вообще было? Братья-близнецы растерянно переглядывались, не зная, стоит ли им преследовать наглеца. Ситуация казалась настолько нелепой, что они попросту растерялись.

Стоявший у ворот Люлан едва не разрыдался от стыда.

«Это не наш Наследник Ше! — вертелось в его голове. — Наш благовоспитанный, безупречный ученый никогда бы так себя не повел!»

Впрочем, уже в следующее мгновение Фан Чаоцы взял себя в руки. Лицо его вновь сделалось бесстрастным и величественным, словно секунду назад все присутствующие дружно погрузились в странный сон. Он чинно поклонился Старому управляющему усадьбы и с самым серьезным видом принялся вешать лапшу на уши:

— Ее Высочество Великая старшая принцесса-покровительница государства как-то упоминала, что после праздника Середины года наследник неизменно впадает в уныние, из-за чего у нее самой сердце разрывается от боли. Думаю, если бы Ее Высочество увидела, каким живым и бодрым Наследник Ше выглядит сегодня, на душе у нее стало бы куда спокойнее.

Слуги призадумались. А ведь и правда: в этом году Наследник Ше не ходил тенью, погруженный в привычную скорбь, а брызгал яростью и рвался в бой. Какая-никакая, а все же жизнь!

Радость и гнев — две стороны одной медали, и любая из них куда лучше той удушающей тоски по погибшим отцу и братьям, что терзала юношу из года в год.

— Юноша Фан поистине благороден, — со вздохом признал Старый управляющий усадьбы.

Фан Чаоцы принял похвалу с самым невозмутимым видом. В этом бесстыдстве уже угадывались черты будущего коварного временщика, готового прибрать к рукам всю власть в государстве.

Если бы Ше Цзе взялся описать поступок Фан Чаоцы, это звучало бы примерно так...

— Лицемер! Наглый, бессовестный лицемер! Подлец, негодяй, ничтожество! — Ше Цзе в бешенстве мерил шагами гостиную, скрипя зубами от досады.

Он и подумать не мог, что Фан Чаоцы умудрится так быстро втереться ко всем в доверие. Что за безумие творится вокруг? Неужели только ему одному видна эта черная, гнилая душонка?

«Я выведу тебя на чистую воду! — твердил себе юноша. — Чего бы мне это ни стоило, я сорву с тебя эту маску благочестия!»

Старый управляющий усадьбы поспешил подать на изящной тарелке, украшенной искусной росписью, холодный молочный лед. Сладкое лакомство источало приятную прохладу и как нельзя лучше подходило для того, чтобы остудить пыл разгоряченного господина.

Ше Цзе, души не чаявший в этом десерте, развалился в кресле и принялся уплетать усыпанный ореховой крошкой молочный лед маленькой золотой ложечкой.

Небесный камень не упустил возможности вставить слово:

[Справка: «Молочный лед» — древнейшая разновидность мороженого. Согласно старинному трактату «Шисянь Хунми», его готовят путем долгого сгущения молока до получения нежнейшей сыворотки...]

«Довольно, мне нет дела до рецептов, — мысленно оборвал его Ше Цзе, проявив чутье истинного лакомки. Сладкое слово „мороженое“ отозвалось в его душе приятным предвкушением. — Расскажи лучше, что это за зверь такой? И умеешь ли ты его готовить?»

[В моей базе данных сохранен простой способ приготовления домашнего мороженого.]

Ше Цзе довольно сощурился. Все-таки этот странный камень из далеких звезд временами оказывался на редкость полезной штукой.

Заметив, что гнев наследника понемногу утихает, Старый управляющий усадьбы осторожно произнес:

— К слову, это угощение прислал Шаоцин Фан из соседней усадьбы. Он специально расспросил слуг о ваших вкусах. Видите, он вовсе не хотел вас обидеть...

Ше Цзе, только-только занесший ложку над тарелкой, поперхнулся. Сладкий лед застрял в горле, ни проглотить, ни выплюнуть.

Впрочем, тарелку он все равно опустошил дочи́ста. С какой стати отказываться от вкусного десерта? Однако это нисколько не помешало ему вооружиться кистью и яростно настрочить

матушке длинное письмо с жалобами. Эти простофили и понятия не имеют, кого пригрили на груди! Только ему одному известно, что в будущем Фан Чаоцы превратится в коварного узурпатора и предателя! А впрочем, чего еще ждать от будущего изменника? Такие пройдохи с колыбели умеют пускать пыль в глаза. Но ничего, с помощью Небесного камня он выведет мерзавца на чистую воду и спасет близких!

Когда в префектуре Интянь Великая старшая принцесса-покровительница государства Вэнь Тянь развернула письмо, на душе у нее сделалось невыразимо тоскливо. Она ведь приложила столько усилий, чтобы переписать сценарий их первой встречи! И почему Туньэр все равно ухитрился взъесться на Фан Чаоцы?

Неужели им обязательно нужно пройти через череду глупых ссор и недоразумений, прежде чем они поладят? И откуда у ее сына эта нелепая привычка усложнять жизнь на ровном месте?

<http://bllate.org/book/19472/1973447>